

*Л. А. Битколова*⁷

Первый директор

Дмитрий Сергеевич Антонов был назначен директором Ярославского художественного музея в декабре 1969 года. Ему было 50 лет. Шла к завершению реконструкция здания бывшего губернаторского дома для воссоздающегося художественного музея, продолжалась работа по выделению из музея-заповедника коллекции.

Я познакомилась с Антоновым, поступая в музей в мае 1971 года, он произвел на меня очень хорошее впечатление. Высок ростом и худощав, лицо изоборуждено глубокими морщинами на лбу и у рта. Всегда одет элегантно в серую тройку, светлую рубашку и галстук. Его манера разговора была особенная. В нем не чувствовалось ничего чиновного, начальственного ни в тоне, ни в манере. Тон был уважительный и чуть шуточный, а с молодыми сотрудниками внимательный, ласково-покровительственный, как бы манера старшего брата. В Антонове ощущалась внутренняя раскованность, если не сказать свобода, и интеллигентное заинтересованное внимание к собеседнику. После короткой беседы со мной Дмитрий Сергеевич вызвал своего зама по науке Светлану Андреевну Бондарь. Она была под стать директору — высокая стройная тридцатилетняя дама в элегантном васильковом костюме. В своем очень светлом кабинете с окном в сад Светлана Андреевна приветливо со мной побеседовала, обрисовала род моих занятий в должности экскурсовода. Я поняла, что моя судьба решилась.

В этот период формирование коллектива музея, отделов по направлению работы еще не закончилось. Особенно нужны были сотрудники в Массовый отдел, так сокращенно называли Отдел экскурсионно-массовой работы,

⁶ Семенюк (Ильичева) Татьяна Юрьевна (р. 1950) — экскурсовод ЯХМ (1970–1975).

⁷ Битколова Людмила Ахмет-Яновна (1946–2018) — искусствовед, сотрудник ЯХМ (1971–2017). Подробнее см. прим. 61, с. 80 наст. сб.

Д. С. Антонов и С. А. Глушков на набережной Волги. 1970-е гг.

потому что девушек, поработавших экскурсоводами и получивших некоторую осведомленность в области искусства, переводили в другие формирующиеся отделы: экспозиционные, фонды. Очень скоро большинство в музее составили молодые сотрудницы около двадцати лет.

Антонов не был музейщиком и не был специалистом в области изобразительного искусства. Но до того как возглавить музей, он 4 года заведовал литературной частью Театра им. Ф. Г. Волкова, то есть работал с замечательной волковской труппой под руководством знаменитого Ф. И. Шишигина⁸, а затем 5 лет возглавлял Ярославское театральное училище, где преподавали все те же волковцы. В общении с людьми театра и театральным студенчеством в нем выработалось умение понимать творческих людей, чуткость к искусству и определенный артистизм. Его тактикой как руководителя музея стала опора на опытных работников, перешедших из заповедника: Елену Павловну Юдину, главного хранителя, Владимира Петровича Митрофанова, автора экспозиции древнерусского искусства, и Татьяну Александровну Эдельсон, зав. отделом русского искусства, — и, под их руководством, выращивание молодых.

В 1970-е годы сложилась практика коллективных выездов в Москву на выставки в ГТГ, Музей им. А. С. Пушкина, Манеж. Обычно за осень-зиму весну выезжали не менее 2 раз. Поездки совершались на музейном автобусе «Кубань» (т. н. «передвижной клуб»), небогатом комфортом. Старшие участвовали редко, а выносливая молодежь успевала посмотреть за одну поездку три экспозиции. Для понимания состояния современного искусства страны

⁸ Шишигин Фирс Ефимович (1908–1985) — главный режиссер (1960–1978) Ярославского театра им. Ф. Г. Волкова. Народный артист СССР (1964).

важны были Всесоюзные выставки-смотры в Манеже и экспозиции в залах МОСХа. На обратном пути между собой виденное обсуждали. Это давало молодым сотрудникам возможность живого соприкосновения с лучшими экспозиционными и исследовательскими идеями и практиками столицы, развивало широту кругозора в области искусства.

В первый месяц работы в качестве экскурсовода моим наставником была Татьяна Львовна Васильева, моя ровесница с филологическим образованием. По заведенному правилу, сначала нужно было подготовить экскурсию по экспозиции русского искусства. Она казалась огромной: в 8 высоких залах на стенах и на щитах — около 300 картин, местами в три ряда, много скульптур, мебели. Материал совершенно незнакомый нам, пришедшим в основном с филологической или общесторической вузовской подготовкой. Публикаций по коллекции музея не было, за исключением очень ценного каталога, составленного Е. П. Юдиной и В. П. Митрофановым, поэтому штудировали общие труды. На всех столах экскурсоводов лежали огромные тома 13-томной «Истории русского искусства» или столь же объемистые тома «Очерков биографий русских художников». Экскурсии в только что открывшийся музей заказывали, главным образом, школьные, много приезжало и приплывало туристов. Мне повезло, удалось послушать экскурсию Татьяны Александровны Эдельсон, т. к. она меня еще не знала. Вообще-то она не очень допускала сотрудников себя слушать. Запомнилось, что она показывала, как глаза в портретах Антиповых следят за зрителями, а дорожка-половик в картине А. Архипова поворачивается туда, откуда на нее смотрят. То есть Татьяна Александровна стремилась не только давать информацию, но учить видеть картину. Это был для меня важный урок. В последующие годы Татьяна Александровна организовала серию реферативных занятий по экспозиции русского искусства. Рефераты по разделам экспозиции готовил кто-либо из молодежи, а Эдельсон и прочие слушали и дополняли.

Через месяц я сдавала на группе «экзаменационную» экскурсию по экспозиции русского искусства. Слушала приемная комиссия из старейшин, и пришли все сотрудники музея. Оценка была положительная. Еще раньше, в силу необходимости, мне пришлось начать водить экскурсии по экспозиции советского искусства, располагавшейся в залах третьего этажа.

Массовый отдел возглавлял отставной военный Николай Николаевич Пайков⁹. Васильеву перевели в отдел фондов, в помощь Елене Павловне Юдиной. Мне запомнилось, что от нас требовали ходить по учреждениям и предприятиям города, заключать договоры с профсоюзными организациями на посещение музея их работниками. Каждый должен был принести определенное количество договоров. Сам наш заведующий ни в искусстве, ни в музейной работе ничего не знал и не умел, его интересовали только цифры выполнения экскурсионных норм и количества договоров. У нас, молодежи, он авторитета не имел, над ним подшучивали, но он был незлобив и относился к нашим вольностям снисходительно.

⁹ Пайков Николай Николаевич (1911–?) — зав. отделом научной пропаганды и массовой работы ЯХМ (1970–1972).

Л. А. Битколова и Г. И. Смирнова в помещении реставрационного отдела Ярославского художественного музея. 1976 г.

В начале осени 1971 года после защиты дипломов на искусствоведческом отделении Института им. И. Е. Репина в музей вернулись Ирина Болотцева и Зинаида Флягина. Близкие нам по возрасту, эти новые специалисты вместе со Светланой Андреевной Бондарь составили среднее возрастное звено. Молодые сотрудники сразу к ним потянулись, возникли очень дружеские отношения.

Ирина Болотцева, защитившая под руководством В. Д. Лихачевой диплом по иконописи, приняла от Митрофанова экспозицию древнерусского искусства в трех залах на первом этаже. Она значилась в отделе русского искусства под началом Т. А. Эдельсон. Эта молодая женщина очень привлекала своей горячей увлеченностью древнерусским искусством, да и вообще искусством. В тогдашней обстановке отстаивать увлеченность иконописью было не просто. От Ирины долгое время ультимативно требовали сочинить методическую разработку совершенно абсурдной антирелигиозной экскурсии по древнерусской экспозиции. Зинаида Флягина, окончившая перед учебой в Академии Ярославское художественное училище, заведовала отделом советского искусства. Меня перевели в ее отдел, и я оказалась в гуще самой бурной экспозиционной работы. Вот это была школа! Почти ежемесячно в двух последних залах третьего этажа делали выставки. Первой выставкой,

И. Н. Кулешова и И. П. Болотцева. Митрополичьи палаты. 1980 г.

в которой мне довелось участвовать, была экспозиция пейзажей ярославского живописца Александра Константиновича Шиндыкова. Это была выставка памяти — он умер в 1970 году. Пейзажи его были очень душевные, лиричные — хорошая реалистическая живопись.

Несколько раз в год постоянную экспозицию советского искусства в 5 залах третьего этажа снимали полностью или частично и вешали выставки из Москвы. В 1970-х годах была налажена широкая система «советского передвижничества», в которой участвовали своими выставками Третьяковка и Русский музей, Художественные фонды СХ СССР и РСФСР и другие столичные художественные организации. Привозили выставки не только живописи, но и графики и прикладного искусства. С выставками иногда приезжали сопровождающие-директора, которые быстро строили выставочные экспозиции, а мы, помогая, учились у них работать с разным материалом.

Так как в штате музея не было рабочих, мы, молодежь: Александра Ключина, Надежда Ростоккина и я — под руководством нашей неутомимой и решительной заведующей Зинаиды Флягиной делали все сами: снимали, вешали картины, таскали любые произведения с 1-го этажа, распаковывали и упаковывали вещи в огромные ящики, подгоняли и подкрашивали рамы, подиумы и подставки, и проч., и проч. А еще быстро осваивали выставочный материал и водили экскурсии по выставкам. Метод руководства Зинаиды Флягиной «делай как я» был очень эффективен. В такой свирепой работе мы быстро становились музейщиками-универсалами и очень между собой сдружились. Флягина перед нами поставила задачу — составить отдельскую картотеку на все фонды советского искусства, чтобы знать фонды как свои пять пальцев. Поэтому все писали без конца карточки и при первой возможности смотрели в фондах вещи.

Занятие с внештатными экскурсоводами в экспозиции музея проводит И. Н. Кулешова. 1977 г.

В это время в русском отделе углубленно занимались изучением истории искусства. Эдельсон строго следила, чтобы без особой нужды ее сотрудники от книжек не отрывались, подсчитывала, сколько минут отсутствовали. Придешь к ним, в тишине все читают или конспектируют. За первым столом — Татьяна Александровна, аннотирует слайды, готовится к лекции. Она была постоянным лектором могучего, на всю страну раскинувшего свою сеть общества «Знание». За ней в уголке у окна Ирина Болотцева, что-то пишет. Левее место Тани Павловой, оно часто пустует, но книжки на столе ее ждут. Вот сидит Ирина Кулешова, длинная коса спущена на грудь, на белую блузочку, а вокруг нее высоченные стопки книг-монографий. Она из-за них выглядывает, как из-за бруствера окопа, поднимет голову и опять нырнет в книжки. Так изо дня в день...

В нашей рабочей комнате, на третьем этаже, была еще и библиотека. По периметру стояли пустые стеллажи, а в задней части комнаты, ближе к окну, высилась под 2 м высотой куча книг. Это была переданная заповедником наша часть книг по искусству. Кучу пришлось разбирать сначала Шуре Клячиной, потом мне. Книги расставляли по полкам по предметно-тематическому принципу, чтобы было удобно находить нужное. После окончания разбора я начала выдавать книжки сотрудникам и комплектовать библиотеку. Первые отборы литературы для закупки в магазине и для подписки я делала под руководством Эдельсон, позже с ней только согласовывала. Был в то время большой дефицит книг по искусству, так что наличие в музее специальной библиотеки было очень важным. Мне пришлось принимать ценную книжную коллекцию Владимира Петровича Митрофанова, которую он подарил музею.

Вскоре Александра Клячина перешла в фонды под начало Е. П. Юдиной, овладевать реставрацией живописи. В январе 1971 года из экскурсионного

Л. А. Битколова, А. Н. Клячина и Н. И. Ростокина. 1971 г.

отдела на должность научного сотрудника перевели Нину Круглову (Голенкевич). Осенью следующего 1972 года, когда Зинаида Флягина ушла из музея, меня назначили заведующей отделом. Работали мы в прежнем ритме, кроме того, нас привлекали на второй этаж для перевески в русской экспозиции. Работали с большим энтузиазмом. Когда вешали большие тяжелые картины, сбегались девушки из обоих экспозиционных и Массового отделов, облепляли картину и поднимали дружно. Вешали картины тогда на веревки, которые нужно было очень точно завязать специальным узлом, чтобы выдержать высоту повески. Для самых тяжелых картин веревки сплетали в косу. Веревки петлей захлестывали за повесочные трубы на высоте около 4 м, стоя на лестнице. Вся экспозиционно-монтажная работа требовала смелости, хорошего навыка и физической выносливости.

В качестве заведующей отделом я присутствовала на еженедельных планерках, которые проводил директор, и имела возможность узнать его лучше. Антонов, проводя собрания/совещания, постоянно курил. Причем папиросы. Всякие мнения он выслушивал спокойно, в т. ч. и критические в свой адрес, чем нередко донимала его Т. А. Эдельсон. Как я теперь понимаю, Антонов стремился гармонизировать непростые отношения между старшими сотрудниками, а также между ними и молодежью. Его ровное уважительное отношение ко всем, никогда не покидавшее его чувство юмора этому в немалой степени способствовали. Он понимал людей, что и позволило ему сформировать первоначальный коллектив, весьма трудоспособный. Директор сумел создать здоровую демократичную атмосферу в музее. Он не воспринимал кляузничества, наушничества, фаворитизма. Основой авторитета в коллективе считалось знание, умение, уважение к сотрудникам и любовь к искусству, а не должность. Пожалуй, в большей мере этому соответствовала главный хранитель Елена Павловна Юдина. Ее пример, немногословной беззаветной

труженицы, никогда не позволявшей себе никого унижать, стремившейся научить, поделиться своим опытом, мне очень импонировал.

Еще одно свойство нашего первого директора очень к нему располагало. При всей своей интеллигентной сдержанности он умел ценить красоту, в частности, женскую красоту. Так, им была принята на работу, без всяких условий и оговорок, Надежда Петрова. Совсем молодая красавица-блондинка, стройная, изящная в своем облегающем синем платье. Как мы потом узнали, ее только что уволили из школы, где она преподавала русский и литературу, т. е. прознали, что маленький ее сынишка был крещен. В конце 1972 года идеологические гайки закручивали везде и всюду. Но Дмитрий Сергеевич Антонов, коммунист, уже в зрелом возрасте осознанно воспринявший демократические веяния «оттепели», не встал на сторону партийных слесарей с гаечным ключом. Кажется, в числе прочего и это осложнило его судьбу. На должность директора в музей назначили бывшего политработника подполковника в отставке Николая Семеновича Бухвалова. Это была уже другая история.